

А. Н. ЛОЗАНОВА

Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг.

Война за Смоленск 1632—1634 гг. нашла широкий отклик в современной ей литературе и в устной народной поэзии.

И содержание произведений, и разнообразие их форм свидетельствуют о тех впечатлениях, которые оставила эта неудачная война в различных общественных слоях Московского государства. Она отразилась в разных видах произведений: и в народной исторической песне, созданной под стенами Смоленска, и в покаянном стихе, который явился откликом на казнь главного полководца смоленской армии, и, наконец, в художественно-прозаическом рассказе, составившем часть «Повести о Савве Грудцыне». Не касаясь «Повести»,¹ мы остановимся лишь на произведениях, возникших непосредственно вслед за событиями.

До последнего времени считалось, что историческое народно-песенное творчество о борьбе за Смоленск в XVII в. представлено лишь песней о присоединении Смоленска в 1654 г. («Земский Собор») — песней, известной в ряде олонецких вариантов. Однако в недавнее время были обнаружены новые материалы.

В 1946 г. руководителем фольклорно-лингвистической группы научной экспедиции Якутского филиала АН СССР, Т. А. Шубом, была записана песня о войне за Смоленск 1632—1634 гг. Эта находка подтвердила живое бытование второго сюжета о борьбе за Смоленск и, кроме того, в значительной мере объяснила содержание песенного отрывка о сражении под Смоленском, записанного И. А. Худяковым во время верхожанской сылки.

Запись И. А. Худякова, сделанная, вероятно, в конце 1860-х годов, была найдена посмертно в его бумагах и напечатана в Верхожанском сборнике.² Опубликованный текст фрагментарен и разрушен. Что касается записи Т. А. Шуба, то она представляет собой вариант песни, найденной И. А. Худяковым. Текст Т. А. Шуба, хотя и не завершен, но отличается лучшей сохранностью, более целен по композиции и содержанию. В пределах Европейской части СССР песня о бое за Смоленск не отмечена. Обе записи ее (И. А. Худякова и Т. А. Шуба) сделаны на северной окраине Сибири от уроженцев с. Русское Устье на р. Индигирке.

Ввиду того что каждый из вариантов представляет собой как бы дополнение другого, приводим их полностью.

¹ Разбор «Повести о Савве Грудцыне» в связи с исторической действительностью эпохи сделан М. О. Скрипилом в книге «Русская повесть XVII века» (Л., 1954, стр. 385—399).

² Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по отделению этнографии, т. I, в. 3. Иркутск, 1890, стр. 310.

Запись И. А. Худякова

М и л о с л а в с к и й ³

Да пошла-то наша сила 2
 Да по горé-горе Покровской, 2
 Ко городу ко Смоленской. 2
 Как Илья сын Милославский
 Наперед он выбегаёт,
 Пушку-порох зарежает,
 Стал по городу стреляти.
 ...Положи[л]а сорок т...
 Приезжает-то Илья,
 Приезжает-то сару своему,
 Приезжает-то сару затю своему, 3
 И тот-то сар спроговорит:
 «Оставались малы детушки на покаяние,
 Остались малы детушки на скитание,
 И остались у них да жены плачут-сидят,
 Малы детушки, детушки да скитаются;
 Малы детушки да они исть хотят!»

Запись Т. А. Шуба ⁴

М и р о с л а в с к и й

Не злаченная труба в поле трубилаша,
 Не скаченная жемчужника прокатилаша,
 Пригласил-то нас надёжа православный сар:
 «Ох ви, дети мои, дети мои, мои детушки,
 Развоенные мои да ви солдатушки,
 Послужичь ви, робята, веро-правдою,
 Верой правдою, робята, неизменною.
 Вы достаньче, допустиче взять Смолин-город».
 Еще во ту пору робята запечались:
 «Как тепериче нам на шветь живым не бучь,
 Не видачь-то нам, робята, молодых жён,
 Молоды жё, робята, малых детушэк».
 «Еще дам я вам воеводу неизменную,
 Швет любимого мово шурина,—
 Швета Якова дам вас Люпопостовича».
 Тут пошла-то наша сила
 Да по горе, горе Покровской,
 Под славной город Смолинской.
 Шел Илья сын Мирославской.
 На прыступ ставал не крепко,
 Раздражал полки не ланно,
 Велел схоняя он подрубичи
 По схоням скоро бегичё.
 Один маленький панёнок,
 Ниоткуль он выбегаёт,
 В пушке порох заражаца,
 Люто зелье разрывацаца.

Центральным эпизодом обоих вариантов является бой за Смоленск. Обе песни говорят о войске, о нашей силе, которая двинулась к Смоленску по горе Покровской. Начало боя за Смоленск изображено одинаково в том и другом варианте. Именно картиной боя на подступах к Смоленску начинается текст И. А. Худякова. Но в сравнении с этим текстом текст Т. А. Шуба более развернут. Он содержит зачин и ряд последова-

³ Никаких дополнительных примечаний к тексту нет, кроме общего указания к разделу «Песни, записанные от уроженца Русского Устья».

⁴ Записи покойного Т. А. Шуба опубликованы в трудах Сектора народного творчества ИРЛИ «Русский фольклор» (см. в. I, 1956, стр. 207—236).

тельно развивающихся эпизодов (обращение царя к солдатам с просьбой взять «Смолин-город», раздумье солдат, их печаль о том, что им «живым не быть», не видать молодых жен и малых детушек; обещание царя дать войску надежного воеводу).⁵

Оба варианта сходятся на том, что руководит боем «Илья сын Милославский». Но далее содержание разворачивается по-разному. В записи И. А. Худякова после упоминания о Милославском стерта часть стихов. Они возобновляются эпизодом возвращения Милославского к царю; вероятно полководец докладывал государю о ходе боя, о жертвах, так как после стершихся стихов сохранились отрывки слов «полож[и]ла сорок т[ысяч]». Царь высказывает сочувствие и жалость к семьям погибших, к их женам и малым детям, которые остались «на скитание».

В варианте Т. А. Шуба действия полководца (по песне Ильи Милославского) изображаются как неудачные и даже предательские («На приступ ставал не крепко, Раздражал полки не ланно...»). Далее вариант обрывается изображением самого приступа и встречи русских войск с неприятелем.

В этих песнях о битве за Смоленск запечатлелись упорные бои на подступах к крепости со стороны горы Покровской на правом берегу Днепра. По историческим данным известно, что только с июня по конец августа 1633 г. у горы Покровской произошло четырнадцать сражений. В сентябре отесненные русские войска вынуждены были отойти на левый, восточный берег, и это решило исход войны. Она была проиграна.

Песня, сложенная, вероятно, во время самой войны, передает чувства и переживания участников сражений: здесь и движение наступающих, и отдельные боевые мероприятия, и приказы командования. Выделяется в обоих вариантах коллективный образ русского войска — «нашей силы», которая смело идет на приступ. В том и другом варианте отчетливо показан также образ царя. Близкий народу царь советуется с солдатами и просит их помощи в войне за Смоленск. Этот образ напоминает здесь (вариант Т. А. Шуба) образ царя в песне о Земском Соборе. В варианте И. А. Худякова царь изображен печальщимся о народе, о семьях погибших воинов. Отрицательными чертами обрисован в песне руководитель боев — Илья Милославский (в действительности не участвовавший в этой войне). В этом образе песней выражена народная оценка неумелых, а иногда и предательских распоряжений отдельных военачальников под стенами Смоленска.

Образ И. Д. Милославского в обоих вариантах песни дан отрицательно. По историческим свидетельствам, И. Д. Милославский — зять царя — приобрел известность в народе с неприглядной стороны. Характерно, что не М. Б. Шеина, руководителя осады Смоленска в 1632—1634 гг., осудила народная память.

Из литературных произведений, возникших по следам неудачной войны, показателен один из «покаянных стихов», явившийся откликом на несправедливое обвинение и казнь воеводы М. Б. Шеина.

Михаил Борисович Шенин, проявивший свою верность родине за двадцать месяцев тяжелой обороны Смоленска в 1609—1611 гг., патриот, испытывавший унижения польского плена,⁶ был назначен главным полководцем в войне 30-х годов за Смоленск. Успешное вначале наступление русских войск в дальнейшем не принесло победы. Осада Смоленска велась в труд-

⁵ Имя этого воеводы по песне — «Яков Люпопостович», — возможно, является измененным именем шведского полковника Якова Деллагарди, сына Понтуса.

⁶ С 1611 по 1619 г.

ных условиях. Снаряжение, боеприпасы, продовольствие и подкрепления людьми доходили до армии с громадным запозданием. Несмотря на героические усилия, Шеин ввиду истощения армии и вследствие измены некоторых военачальников должен был прекратить осаду крепости. С остатками измученного войска, бросив обоз и боевые орудия, полководец бесславно возвратился в Москву. Там, по проискам бояр, он был обвинен в измене и обезглавлен, как и его ближайший соратник Артемий Измаилов; многие другие участники похода и их родственники также подверглись жестоким наказаниям и ссылкам.

В. И. Малышев, разыскавший и опубликовавший этот «покаянный стих», считает временем его создания вторую половину 1630-х годов. Но нам кажется более вероятным, что произведение могло быть сочинено сейчас же после событий. Действительно, только по горячим следам того, что случилось, мог возникнуть стих, так страстно осуждающий «злое дело». За гневными и скорбными восклицаниями автора встают и факты недавней войны, и ее финал, получивший широкую огласку не только в стране, но и за ее пределами:

Слышат бо языцы нашу неправду
И многия видят своима очима,
Еже творим со своим христианом
Немилость и безчеловечество лютейша зверя,
Яко и храбрых своих воинов,
Против врагов твердо стоящих
И тех ненавидящих оружием убиваху,
Смерти предающе.⁷

В конце стиха автор, выступая против клеветников и обвинителей Шеина, скорбит, что патриотам-воинам «не восхотеша... дати чести земные»; но за страдания венчали их «кровным венцом»; тем и увековечилась их память.

Содержание этого скорбного стиха глубоко патриотично и исполнено высокой морали. И вместе с тем в нем выражается гневный протест против официальных постановлений, приведших на плаху честных воинов. Своим патриотическим пафосом и гневными обличениями стих перекликается с публицистическими произведениями первых десятилетий XVII в. В стихе слышатся даже отдельные выражения, как бы сознательно взятые из патриотических произведений (грамот, «Новой повести о преславном Российском царстве»), с большим чувством прославлявшие «крепкое стояние» защитников Смоленска против «сопостат».

Так, литературный стих XVII в. и историческая песня оценили современные им события, выразили «свое» мнение о войне 1632—1634 гг. и об ее участниках.

⁷ В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о горе и злочастии». — ТОДРА, т. V. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 147—148.